

I. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ

*М. А. СЕРГЕЕВ*К ВОПРОСУ О НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Громадное значение назначенной на 1933—1934 гг. переписи крайнего севера бесспорно.

Итоги переписи послужат в течение многих лет главным отправным материалом не только для важнейших политических установок (конкретного применения общих партийных директив „в данном конкретном случае классовой борьбы“ — резолюция XI Пленума ИККИ), но и для повседневной, вытекающей из этих установок, практической работы.

Наше, вытекающее в значительной мере из действительно объективных причин, незнание самых основных северных вопросов — от величины и движения отдельных народностей до сложнейших вопросов социальной структуры и классовой дифференциации — заставляло часто идти ощупью и было чревато иногда, как это показывает восьмилетний опыт, неожиданными, часто вредными для социалистического строительства последствиями.

Новая перепись должна выяснить эти многочисленные — и в территориальном и в национальном разрезе — „белые пятна“ и послужить достоверным фундаментом для ряда политико-экономических выводов. Громадное значение, в первую очередь, сыграет перепись человека: она должна выяснить ряд существеннейших вопросов — о национальности, о численности отдельных народностей, их „естественном движении“ и т. д.

Хозяйственное освоение крайнего севера пойдет во вторую пятилетку по двум основным направлениям — по пути социалистической реконструкции наличного местного хозяйства и по пути организации новой социалистической промышленности. И то и другое требует отчетливого знания так называемой экономики местного хозяйства.

Если это совершенно бесспорно, когда идет речь о реконструкции местного хозяйства, то для многих еще неясна связь между местным хозяйством и промышленным строительством на севере. Крупное социалистическое строительство мыслимо на севере, в первую очередь на базе существующих веками и ныне реконструируемых местных промыслов. Нельзя представить себе какие-то висящие в воздухе промышленные очаги — кусочки социализма — среди безбрежных северных пространств, оторванные от тех людей, которые веками осваивали эти пространства и одни умели извлекать из них и только из них необходимые для существования средства, которые давали царской России громадный колониальный доход. Такая изоляция промышленного строительства была бы политически вредна и хозяйственно нецелесообразна.

Основные пути промышленного освоения севера (рыбная и морская зверобойная промышленность, промышленное оленеводство, промышленное зверо-

¹ Многочисленные ссылки в тексте относятся к работам: В. Г. Тан-Богораз „Северное оленеводство по данным всесоюзной переписи“ (Сов. этногр., 1932, № 4); П. Е. Терлецкий „Население крайнего севера“ (Ленинград, 1932), „Национальное районирование крайнего севера“ (Советский север, 1930, № 7—8) и „Народно-хозяйственная перепись крайнего севера“ (там же, 1932 № 6); „Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края“ (Благовещенск, 1929), „Поселенные итоги туземной переписи 1926 г.“ (Владивосток, 1928), „Отчет Камчатского окружного ревкома“ (Петропавловск, Камч., 1928).

водство, „МПС“ и „ПОС“, промкомбинаты на базе северного сырья — мясо-рыбо-консервные, кожевенные, замшевые, утилизационные) целиком определяются местным промысловым хозяйством. Но и в освоении прочих богатств севера — лесных, ископаемых и др. — аборигены его представляют огромную ценность.

О необходимости точного учета северного хозяйства для планирования всего хозяйственного строительства на севере и для дальнейшего национального районирования говорить не приходится.

Вторым основным объектом переписи является хозяйство нацменьшинств.

При этих предпосылках, самое беглое обозрение „Программы народно-хозяйственной переписи крайнего севера“ и сопутствующих ей формуляров, а именно это определяет самое лицо переписи, вызывает ряд тревожных недоумений.

Важнейшие задачи, относящиеся к наиболее неизвестным величинам — населению и его хозяйству, отражены в программе явно недостаточно. Это сказалось прежде всего в размерах ее отдельных частей. Разделы „Перепись населения“ (I) и „Хозяйственное обследование индивидуального сектора“ (II) занимают меньше одной страницы при 29 не систематизированных и далеко не исчерпывающих пунктах, а остальные разделы (III—X) — „Обследование колхозного сектора“, „Обследование совхозов“, „Обследование промышленных предприятий“ и пр. занимают шесть страниц программы и содержат добрые полторы тысячи пунктов, на которые понадобится в формулярах свыше десятка тысяч граф.

Упор в народно-хозяйственной переписи сделан, таким образом, отнюдь не на перепись человека и его хозяйства. Это несоответствие особенно характерно, если учесть степень легкости получения того и другого материала и его достоверности. Ведь колхозы построены на базе индивидуального местного хозяйства — последнее-то и надо, в первую очередь, изучить детально и всесторонне, так как получение необходимых сведений о промышленных предприятиях, о транспорте, снабжении и пр. у государственных, кооперативных и других организаций несравненно легче и проще, требует гораздо меньше инструктажа, чем опрос и перепись населения. Эти сведения в большинстве своем достовернее, они уже есть, существуют писанные, их можно получить и в районе, и в округе, и в крае, и в конце концов... в Москве. Основной материал должна дать нам перепись населения и его хозяйства (разделы I и II), и тогда этот материал и итоги других разделов явятся в известной части взаимно дополняющими и корректирующими друг друга.

Игнорирование этих основных моментов — человека севера и его хозяйства приведет к повторению при настоящей переписи ряда ошибок первой переписи (1926—1927 гг.).

Опубликованная недавно статья проф. Тана (стр. 1) иллюстрирует на многочисленных примерах грубейшие ошибки первой переписи и те ошибочные выводы, которые появились в результате этих ошибок.

Наша скромная задача — предостеречь от этих ошибок новую перепись — облегчается появлением в свет ценной работы П. Е. Терлецкого „Население крайнего севера“, развернутой на основе итогов первой переписи характеристики северного населения и его хозяйства. Некоторые выводы тов. Терлецкого выясняют недостатки переписи, отсутствие или ошибочную постановку тех или иных вопросов и т. д.

Первая перепись не дала ответа на основной вопрос — о нацпринадлежности. Многочисленные ошибки исказили численность отдельных народностей и отразились на „соседних“ — по территориальной близости и по национальной принадлежности — группах.

Сильно пострадали остяко-самоеды (селькупы) и „соседние“ народности — ненцы и ханты. Это указывает сам тов. Терлецкий (стр. 60), хотя он и находит что „из финно-угорской группы народностей переписью наиболее полно охвачены... и селькупы (остяко-самоеды)“ (стр. 17). Именно селькупы охвачены далеко не полно — перепись не охватила Нарымского края, где как раз проживает основная масса селькупов.

Смешение национальной принадлежности, осложненное неполнотой территориального охвата, вызвало ошибочные хозяйственные характеристики народностей. Совершенно изменилось бы соотношение „основных категорий“ хозяйства — оседлого и кочевого за счет приобских, кетских и тымских селькупов. Несколько тысяч остяко-самоедов (чумулкуп и сюсюкуп) Тымского, Каргасокского и Колпашевского районов значительно увеличили бы процент оседлого населения, и селькупы не были бы отнесены к „исключительно кочующим народностям“ (стр. 19—20). Изменился бы ряд других выводов — о соотношении полов (резкое преобладание мужчин было бы установлено не только у кочевых селькупов (стр. 22), но в еще большей степени у оседлых), о размерах хозяйства,¹ и о рабочем возрасте и пр. и пр.

Общеизвестны другие примеры — ошибки в учете тунгусских племен, в результате которых появились и ложные выводы о вымирании и полная невозможность выделить отдельные народности (стр. 61): кетов, туземцев низовьев Амура, не говоря уже, как отмечает проф. Тан-Богораз, о появлении наряду с чукчами народности чаучу и т. д.

Сильно пострадали очень мало изученные народности крайнего северо-востока.

1. Ительмены и камчадалы

„Итоги“, совершенно правильно определяя и разграничивая эти две народности,² устанавливают численность ительменов „около 800 человек“, а камчадалов — 4207 (стр. XLIV). Поселенные таблицы ительменов от камчадалов не отделяют.

„Поселенные итоги“ (стр. 8), как и „Отчет“ (стр. 6) приводят для ительменов цифру 803, совершенно правильно относя так называемых камчадалов (т. е. обрусевших камчадал и окамчадалившихся русских) к русским.

Тов. Терлецкий объединил (почему?) эти группы — „ительмены (камчадалы)“ и определил их численность (стр. 18) в районах приполярного севера в 3837 человек (915 всей народности). Конечно, нигде кроме севера Дальнего Востока нельзя найти сотни остальных ительменов (9%). В дальнейшем (стр. 62) автор приводит для камчадалов, очевидно имея в виду и ительменов, цифру „итогов“ — 4207. В статье „Национальное районирование“ (стр. 23—28) появляется новая цифра — в Коряцком округе — „камчадалов-ительменов“ 818 человек. В других национальных округах — чукотском и эвенском — автор этой группы не упоминает, значит свыше 3000 человек приходится отнести на Камчатскую область (южная часть полуострова). Но и в Коряцком округе, в границах, указанных автором, ительменов нет, именно эти 803 или около 800 или 818 ительменов живут в северозападной части Камчатской области, южнее р. Напаны, т. е. указанной автором северной границы Камчатской области.

Камчадалы, которых правильнее всего отнести к русским, живут в подавляющем большинстве на современной территории Камчатской области и во

¹ К сожалению, таблица на стр. 12 („Население“) страдает сплошными опечатками.

² Грубо ошибочно указание, что „национальные промыслы и ремесла ительменов связаны с собиранием и использованием многочисленных растений“ (стр. XLIV). Основные промыслы ительменов, как и вообще всех оседлых юга полуострова, — рыбный и охотничий. „Собирание растений“ ни в какой мере не определяет этих промыслов и не связано с ними. Различные растения собирают все аборигены Камчатки. Никаких „национальных ремесел“ (?), да еще связанных со сбором растений, у ительменов нет. Экзотику так называемого „первобытного“ (?) собирательства „давно надо отбросить“.

всяком случае в пределах б. Камчатского округа. Данные переписи, что их в пределах бывшего Николаевского округа несколько сот человек, — грубейшая ошибка (см. „Итоги“, стр. 200—450 чел. и стр. LVII — 454 чел.).

2. Эскимосы (юнты)

„Итоги“ определяют их численность (стр. XLIII)	в 1291 чел.
„Отчет“ (стр. 6) и „Поселенные“ (стр. 8)	„ 1246 „
„Население“ (стр. 18)	„ 1251 „

(причем эта цифра составляет 96.8% всей численности. Где же остальные 3.2%, на юге?)

„Национальное районирование“ определяет их число . . . в 1261 чел.

3. Чуванцы и юкагиры (одулы)

Цифры в различных обработках следующие:

„Итоги“ (стр. XLIII)	в 737 чел.
„Отчет“ (стр. 6) и „Поселенные“ (стр. 8)	„ 620 „
„Национальное районирование“ (стр. 25—27)	„ 1370 „ (около)
„Население“ (стр. 18)	„ 1208 „ (все 100%).

Для двух народностей, насчитывающих всего на всего около 1000 человек, амплитуда колебаний достигает 750 единиц (берем крайние пределы). Не совпадает даже число оседлых чуванцев (395 и 417). Перепись допустила грубую ошибку, объединив в одну группу две совершенно различные народности, и сильно уменьшила численность юкагир, откинув по неведомым соображениям всех колымских юкагир.

4. Алеуты

Учсть их численность было легко: народность самая малочисленная и и одновременно самая культурная на Дальнем Востоке, живущая исключительно оседло и компактно (почти 100% на одной ограниченной территории Командорского архипелага). При этих условиях можно было рассчитывать на получение абсолютно достоверных данных; цифры говорят иное:

„Итоги“ (стр. XLIII) — 345 на Командорских островах.

Те же „Итоги“ через несколько страниц (стр. L) — 335 (несомненно по всему Дальнему Востоку, эта цифра совпадает и с таблицами районных итогов, стр. 170 и 176).

Еще дальше „Итоги“ называют 351 (стр. LVII).

„Поселенные“ (стр. 8) и „Отчет“ (стр. 6) указывают 302 (причем распределение по районам не совпадает с „Итогами“, стр. 170 и 176, и это число надо уменьшить на 9 человек, живших в Петропавловске, которые в перепись не вошли).

„Население“ (стр. 18) — 335 (это 94.9% всех алеутов вообще. Где же остальные 5.1%? За пределами Дальнего Востока алеутов в СССР, конечно, нет).

На стр. 57 той же работы — 340 (очевидно все 100%), а на стр. 63 уже 345.

Бесконечная игра в бирюльки, — а на это бесплодное занятие вынуждает даже поверхностный обзор итогов первой переписи, который не может разрешить такого простого вопроса, сколько же было алеутов в 1926 г. и где жили они, кроме Командор.

В результате одной и той же переписи мы имеем вереницу цифр — 351, 345, 340, 335, 302. А вопрос о численности, а отсюда и о движении алеутов, имеет громадное значение. По совершенно достоверным материалам алеутов на Командорах было в 1927 г. 334, а в 1932 г. 271 (165 на Беринге и 106 на Медном).

Для тех или иных выводов проще пользоваться данными Алеутского островного Рик'а, чем сумбурными итогами переписи.¹

5. Эвены (ламуты) и эвенки (тунгусы)

Созданная переписью неразбериха в численности и расселении вызвала ряд ошибочных выводов.

„Итоги“ (стр. XLIV) дают для 6. Камчатского округа цифру ламутов 1250, а по таблицам районных и окружных итогов (там же, стр. 170 и сл.) — 1360. Тунгусов „всего в области сплошного расселения“ 6671 (по нашему подсчету 6087), причем подчеркивается, что „это крайний северо-восточный отдел большого тунгуса — манчжурского племени“ (стр. XLII). По таблицам окружных и районных итогов (стр. 170 и сл.) в 6. Камчатском округе тунгусов 1382, причем все указаны в пределах бывшего Пенжинского района. Таким образом по „Итогам“ всего в бывшем округе ламутов и тунгусов 2742 или 2632. „Поселенные итоги“ (стр. 8) и „Отчет“ (стр. 6) определяют число ламутов и тунгусов для всего округа (т. е. без Охотского побережья) 2956. Цифра в свое время казалась правдоподобной: ламуты, согласно версии „Итогов“, жили исключительно в пределах бывшего округа (Усть-Камчатский, Пенжинский и Чукотский районы), а тунгусы — только в одном Пенжинском районе (по рр. Парени и Гижиге).

При последующей разработке материала совершенно изменились и численность и расселение этих двух народностей. Статья „Национальное районирование“ определила в Эвенском округе ламутов 9020 и в Коряцком округе 627, тунгусов только в Чукотском округе (!) 625.

Изменения громадны: раньше тунгусы из всего округа были установлены только в Пенжинском районе и их было 1382, теперь они оказались только в Чукотском районе и только в числе 625. Еще туманнее дело с ламутами. Они были учтены раньше:

В Анадырском районе (ныне Чукотский округ)	254
В Карагинском, Пенжинском и Тигильском районах (ныне Коряцкий округ)	627
В Усть-Камчатском районе (ныне Камчатская область)	469
В Чукотском районе (ныне одноименный округ)	10
	1360

И больше ламутов нигде в округе не было (см. „Итоги“, стр. 170 и сл.).

Теперь оказалось, что ламутов на Охотском побережье, где их раньше не было, 9020 (или 8770, если условно отнести числившихся по бывшему Пенжинскому району 250 человек целиком на Гижигинскую часть района, отошедшую к Эвенскому округу), что в Чукотском округе, где их было 264 человека, их нет совсем.

Всего теперь ламутов исчислено: в Охотском округе 9020, в Коряцком округе 627, в Камчатской области (Усть-Камчатский район) 469. Всего, таким образом, 10116 против исчисленных раньше 1360 (в Коряцком округе 627, в Чукотском 264 и в Усть-Камчатском 469). Последняя работа „Население крайнего севера“ приводит совершенно новые цифры (стр. 18): „эвенов (ламутов)“ всего 2224 человека, причем в районах приполярного севера живут все 100%. Таким образом 6 лет обработки первой переписи установили численность ламутов в 1250, 1360, 2224 и 10116 чел.² Число ламутов, конечно, совершенно неизвестно. Несомненно, что в Эвенском округе их подавляющее большинство, но есть еще ламуты и на Индигирке и на Колыме.

¹ „Итоги“ напрасно утверждают, что „при опытах частичного переселения алеуты в новых условиях оказались нежизнеспособными“ (стр. LVII). Резкое повышение смертности было вызвано исключительно безобразным переселением алеутов в XVIII и в XIX вв., в результате которого они оказались брошенными на произвол судьбы.

² Делал ошибки в этом вопросе и автор этих строк.

Итак, в отношении нескольких, очень малочисленных и оседлых (эскимосов, алеутов, ительмен) народностей, перепись не установила ни их точного числа, ни места расселения. С кочующими тунгусами и ламутами произошла еще большая путаница. Это, конечно, снижает ценность ее итогов и обязывает к самому серьезному учету отдельных народностей в предстоящих работах.

Вопросы о родном языке, о других доступных языках, о народности и самоназвании, о месторождении и местожительстве, о смешанных браках, метизации и ассимиляции должны быть разработаны чрезвычайно внимательно.

Между тем формуляры второй переписи этому не удовлетворяют: отсутствует четкая формулировка вопроса о народности и языке (что значит „разговорный язык в хозяйстве“?), нет совершенно вопросов о самоназвании, о смешанных браках, о метизации, о бывших местах постоянного местожительства. Нужна ли демографическая перепись в СССР, которая не ставит вопроса о метизации?

Важный для экономических выводов вопрос о трудоспособности — был освещен первой переписью тоже неудовлетворительно.

Характерная черта северного промыслового хозяйства — хронический дефицит рабочих рук — является громадным тормозом во всем хозяйственном освоении севера, в частности, в социалистической реконструкции туземного хозяйства. Не прав тов. Терлецкий, утверждая, что: „значение рабочего возраста в хозяйстве представляет большой интерес. Как пониженный удельный вес его, так и чрезмерно высокий одинаково невыгодны для нормального развития хозяйства той или иной народности“ („Население“, стр. 24—25, разрядка моя. М. С.). Это положение неверно в условиях социалистического хозяйства, неверно и на севере, к которому его относит автор. „Чрезмерно высокого удельного веса рабочего возраста“ в северном хозяйстве нет, а если бы он был, то принес бы этому хозяйству — в условиях его комплексности и неограниченности и разнообразия естественных ресурсов — только одну „выгоду“.

В определении трудоспособности первая перепись пошла по заведомо ложному пути „аналогии с принятой в сельскохозяйственных переписях номенклатурой возрастных групп“ („Население“, стр. 24). В результате „работоспособность“ оказалась искусственно привязанной к рабочему возрасту. Возрастные лимиты при определении трудоспособности надо откинуть. На севере от них громадные отклонения в обе стороны. Общеизвестно широкое распространение на севере детского труда (и это при отношении северян к детям далеко не плохо) и труда стариков. Если прибавить сюда случаи неработоспособности лиц „рабочего возраста“, то ясно, насколько перепись исказила картину северной работоспособности. Об этом свидетельствует и тов. Терлецкий, подчеркивающий условность оперирования статистикой рабочего возраста и те недоумения, которые при этом рождаются (стр. 23—24 и 32—33).

Отправляющийся самостоятельно белковать за сотню верст мальчик 8—10 лет, профессиональные промысловики девочки 12—14 лет, глубокие старики, содержащие целые семьи, широкое распространение детского труда в выгодном промысле — все это частые явления на севере. Характерно, что нарымские тунгусы при опросе о численности семьи сами показывали число мужчин и женщин и число охотников. Также учитывает иногда население и местная кооперация. При применении возрастных критериев автор этих строк не учел бы ни одного работоспособного члена в десятке хозяйств верхне-кетских сюсюкупов.

Возраст должен быть учтен своим чередом, но не в качестве признака, определяющего трудоспособность. В этом отношении необходимы фактическая работоспособность и рабочий стаж. Базироваться на „рабочем возрасте“, да еще при определении возраста „путем сравнения“ (см. „Итоги“, стр. XXVII), и подменять им трудоспособность нельзя.

Формуляры второй переписи повторяют старую ошибку. Бланки говорят либо только о возрастных группах („движение населения в хозяйстве“), либо о „нетрудоспособных“ и „физических недостатках“ (к чему этот вопрос?), либо из графы — „трудоспособные“ исключают „подростков от 12 до 16 лет“ (новая категория, наряду с „детьми до 12 лет“). Опять трудоспособность в будущих итогах будет определяться „рабочим возрастом“.

Очень важен вопрос о счетной единице. Принятие при первой переписи различных единиц — хозяйства, семьи и отдельного лица — вызвало значительное исключение действительности („Итоги“, стр. XXXI). За единицу надо принять отдельное хозяйство, независимо от числа семейств внутри его. Отнесение членов семьи к определенным народностям должно производиться не по народности домохозяина, а каждого отдельно с учетом чистых нацменов и метисов, смешанных и повторно-смешанных браков.

Важнейший бланк второй переписи — похозяйственная карточка опять смешивает физическое лицо и хозяйство, хозяйство и семью. Что, кстати, ненужный и бестактный вопрос: „Сколько лет считают себя мужем и женой?“ То же смешение повторяется и в разделе „постройки“ (тут, кроме того, и неполнота и неправильная терминология).

Выбор счетной единицы важен для определения не только численности народности, но и социальной категории хозяйства. В этом отношении важны вопросы об отношении опрашиваемого к главе семьи и хозяйства, о родстве, об участии отдельных лиц и семей в производственных процессах единого хозяйства, о формах распределения и пр.

Необходимо уточнить и понятие „грамотный“. При первой переписи этот термин оказался также обезличен как и „работоспособность“. Всякие практикуемые на местах добавочные термины „полуграмотный“, „малограмотный“ надо откинуть и ввести дополнительный вопрос „учится“ и „где или у кого“. Есть случаи, когда взрослые из коренного населения учатся грамоте друг у друга или у соседей русских за плату. По аналогии с работоспособностью надо учитывать только фактическую грамотность, т. е. умение читать и писать. Степень грамотности данной народности „принято“ определять опять-таки возрастными критериями (отношением числа грамотных ко всему населению старше 8 лет). Такое определение, особенно на севере, столь же относительно, как и учет грамотности по личным заявлениям. Для этого метода, вряд ли вообще целесообразного в советских условиях, при первой переписи не было обоих необходимых элементов — учета фактически грамотных и учета соответственных возрастных групп.

Обратимся к выводам. Грамотность оседлых из коренного населения бывшего Камчатского округа определяется изумительными цифрами 30.1 у мужчин и 14.8 у женщин („Население“, стр. 27). И это в 1926 г. Цифры эти, конечно, далеки от действительности. К автору этих строк приехал как-то коряк из сел. Караги (район с наиболее культурным населением, живущим в русских избах, с повышенной грамотностью и развитыми ремеслами). Он был рабкором „Полярной звезды“, но при нашей — через переводчика — беседе оказалось, что он не только не читает, но и не говорит по-русски. И тем не менее, уходя он написал на память достаточно отчетливо имя свое и жены. Писал он в газету через соседа русского, владевшего корякским языком. Немало таких хороших, но совершенно неграмотных, активистов попало в категорию „зарегистрированных переписью грамотных“.

Тов. Терлецкий указывает на одну особенность в распространении грамотности: „наибольшее развитие грамотности имеет на западе и на крайнем востоке территория крайнего севера“ (стр. 28). Этот вывод в части крайнего востока вообще и отдельных его народностей, в частности (оседлые коряки —

грамотность мужчин 20.6, женщин 8.3,¹ эскимосы 21.1 и 2.8), очень рискован. Сам автор, чувствуя его парадоксальность (тундры Пенжинского и Анадырского района, восточная и западная тундры Чукотского округа!), обосновывает его мотивами исторического порядка „Состояние грамотности остальных народностей соответствует количеству русских школ, имевшихся в некоторых районах севера до советской власти“ (стр. 29). Но даже „камчадалы“ не могли повысить свою грамотность до революции: хотя на полуострове и имелся наряду с 9 церквями добрый десяток школ, но школы эти были церковно-приходские, и „преподавание“ велось в них полуграмотными священниками и солдатами на славянском языке. И это — повторяем — на полуострове, а севернее даже таких „школ“ не было. Автор введен в заблуждение действительно высоким уровнем грамотности отдельных народностей двух крайних — западного и восточного — полюсов: коми и финнов, с одной стороны, и алеутов, с другой.

Вторая перепись предусматривает, конечно, важный вопрос о партийности северянина, но интересуется партийностью в колхозах, в совхозах и на предприятиях, а „просто“ партийностью туземца-промысловика не интересуется.

Первая перепись не выяснила „движения“ отдельных народностей. Относительность всех выводов о движении населения неоднократно и усиленно подчеркивает тов. Терлецкий (стр. 45—63).

Перепись учла движение населения только за два последние года (1924/1925 и 1925/1926). Очень сомнительна возможность каких-либо выводов на основе материалов за такой незначительный и совершенно случайный отрезок времени. Тов. Терлецкий справедливо указывает, что „каждый из представленных годовых периодов характеризует лишь свой период и ни в коей мере не может быть принят для общей характеристики естественного движения населения“, но тут же прибавляет и „наоборот, средние за оба года дают более надежные данные для составления представления об изучаемом явлении“ (стр. 47, разрядка моя. М. С.) и делает, на основании этих „средних“, ряд общих и частных выводов. Возможность таких выводов и ценность этих „средних двухгодичных“ данных автор выводит из предположения о контрастности этих двух лет в отношении прироста: „Сравнивая два смежных года, констатируем чрезвычайно большие отклонения (от чего?) по всем моментам естественного движения населения. Причем 1925/1926 г. видимо для роста населения был наиболее благоприятным, чем предыдущий год“ (стр. 48, разрядка моя. М. С.). Но есть ли достаточное основание предполагать это непрерывное условие, эту контрастность двух лет, считать один из них благоприятным, а другой неблагоприятным. А если для какой-либо народности оба эти смежные, хотя и сильно отличающиеся друг от друга (см. табл. на стр. 46) года были в целой веренице неисследованных десятилетий благоприятны или неблагоприятны. Тогда отпадает основная предпосылка, тогда отклонения средних за два года от действительного среднего будут гораздо больше, а эти двухлетние средние, будучи совершенно не характерными, исключают всякую возможность выводов о закономерности — основной и конечной цели всяких статистических работ. Тогда и никакие „сравнения прироста по крайнему северу с данными по некоторым иностранным государствам“ не убедят нас в „известной доброкачественности полученных переписью данных“ (стр. 48).

Это теоретическое возражение подтверждается чисто конкретными данными по определенному участку переписи.

¹ Приводим свидетельство Е. П. Орловой, проводившей перепись в южной части Тигильского района: „грамотных, т. е. умеющих читать и писать, среди южной ветви коряков только 4 человека, что составит 0.9%. Среди женщин грамотных нет. Кроме этих 4 грамотных, среди коряков есть 11 чел., которые немного знают буквы и умеют с грехом пополам написать свою фамилию“ („Северная Азия“, 1929, № 3, стр. 86). Подчеркиваем, что это среди южных коряк Тигильского района.

Тов. Терлецкий, справедливо придавая громадное значение массовым эпидемиям на севере (стр. 59 и 63), говорит: „Насколько нам известно, в течение двух лет, предшествовавших переписи, не было каких-либо массовых эпидемических заболеваний“ (стр. 63). Между тем в статье тов. Шаврова („Итоги“, стр. XLIX и сл.) мы читаем: „1925 и 1926 гг. были в санитарном отношении неблагоприятны в Камчатском и Николаевском округах: в течение этих двух лет население перенесло ряд болезней эпидемического характера“. Затем сообщается, что эпидемии охватили Петропавловский район, южную часть полуострова, всю долину р. Камчатки, северо-запад, „вызвав везде повышение смертности среди туземцев“, дальше распространились на Тигильский, Карагинский, Анадырский, Пенжинский районы, Охотское побережье — Ольский и Охотский районы. „Особенно сказались все эти болезни на детской смертности: у коряков, например, в 1926 г. умерла почти половина новорожденных“. Таким образом в силу повальных эпидемий почти во всех районах бывшего Камчатского округа оба учтенные переписью года оказались как раз неблагоприятными (один видимо больше, а другой меньше) для ряда народностей — коряков, тунгусов, чуванцев и, вероятно, части чукчей.

Конечно, никаких средних показателей из таких двух лет выводить нельзя. И тов. Терлецкий напрасно пытается подтвердить отсутствие эпидемий „средним годовым приростом за последние два года“ (стр. 63). Мы бы сделали противоположный вывод, что средний прирост населения у ряда народностей, в частности, у коряков и чуванцев (стр. 63), несомненно выше средних за два неблагоприятных года.

Нашим современным советским статистикам не мешает при обработке материалов вспоминать почаще полное глубокого смысла замечание В. И. Ленина, сделанное им по адресу дореволюционной земской статистики: „Полнота подворных сведений и техника их собирания достигли высокой степени совершенства, но вследствие неудовлетворительной сводки масса драгоценнейших сведений прямо-таки теряется, и исследователь получает в свое распоряжение только „средние“ цифры... А эти „средние“, как мы уже видели и увидим ниже, зачастую совершенно фиктивны. (В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 2-е, т. III, стр. 70, Гиз, М. — Л., 1930).

Независимо от рискованности выводов о движении населения из таких данных вообще, выводы опираются и тем, что материалы первой переписи недостоверны, неточны, часто извращают действительность. Первая перепись страдала и территориальной и национальной неполнотой, прямым недоучетом рождений и смертей („Население“, стр. 46), внесла путаницу в национальную принадлежность, не выдержала единых сроков, часть материалов пришлось исключить вследствие очевидных и грубых дефектов („Итоги“, стр. XLIX). И если рискованы выводы об общем движении населения, то тем более в отношении отдельных народностей, которые потонули, растворились, часто совершенно потеряв свою нацпринадлежность в путанных цифрах переписи. На это указывает сам тов. Терлецкий (стр. 57).

В результате оперирования над такими данными показали убыль коряки, чуванцы и кочевые чукчи, прирост коих за тридцать лет совершенно ничтожен. Между тем последние, как указывает проф. Тан, „являются самой здоровой из всех народностей северо-восточной Азии“ (стр. 33). Пришлось „совершенно отбросить“ при обработке материалов некоторые тунгусские племена (см. „Население“, стр. 61). Чисто механистический подход привел к таким фантастическим выводам (там же, стр. 60), как убыль остяко-самоедов за 30 лет на 71.9%!

Не определив численности около 300 человек алеутов, перепись оказалась беспомощна (если не обратиться к другим, не переписным данным) в вопросе об их движении. Это единственная внушающая опасение народность, и недаром на ней так подробно останавливается тов. Терлецкий. По

данным за два года, убыль—1.7% (стр. 63), средняя годовая убыль за 30 лет—1.04% (стр. 63) или 1.3% („Итоги“, стр. LVII). Общая убыль за 30 лет, таким образом, на 38.9% („Население“, стр. 63 и „Итоги“, стр. LVII).

Абсолютно достоверные цифры Алеутского островного РИК'а за ряд лет показывают другое.

Примеров много, а ведь дать доброкачественный материал для изучения движения населения—одна из главных задач демографической переписи. Появившаяся—в оправдание колониальной политики царизма—официальная „теория вымирания“ давно опровергнута самой жизнью, но статистика не справилась с задачей обоснования этого положения. Тем ответственнее задача второй переписи.

При будущей разработке вопроса по данным второй переписи нельзя будет взять за исходные пункты материал первой. Повторить опыт двухлетней регистрации тоже не целесообразно. Надо очевидно расширить учет на предшествующей переписи ряд лет, а, с другой стороны, корректировать его многочисленными местными материалами—посемейными и похозяйственными списками сельсоветов, списками граждан по учету их доходов, списками землеустроительных партий и пр. Учет движения осложняется теми общими северными условиями, о которых так красочно рассказывают участники первой переписи. Передвижение даже некоторых оседлых групп происходит очень часто, захватывая при этом соседние административные территории, и выводы будут невозможны, если не предусмотреть выяснения ряда вопросов—места рождения и предшествующих местожительств, срока проживания в последнем и пр. Большинство этих вопросов формулярами второй переписи забыто.

Особой проработке подлежат вопросы заболеваемости, особенно об эпидемических и социальных болезнях. И тут сказывается влияние скверных традиций дореволюционной статистики.

До сих пор применяется термин „естественное“ движение, куда входит составным элементом и смертность от эпидемических и социальных болезней. В условиях советского государства этому термину места нет—смертность от социальных болезней, уже сильно падающая (от туберкулеза, в первую очередь), должна быть отнесена в СССР к „неестественному“ движению населения. Это применимо даже к крайнему северу, где влияние нового могучего фактора—национальной политики ВКП(б)—должно положить конец „почти безграничной власти природы“ („Население“, стр. 48) и влиянию наследия прошлого.

Вторая перепись должна осветить забытый первой переписью вопрос о плодovitости. При разработке итогов коэффициенты рождаемости и смертности должны быть связаны с повозрастными категориями. Современная демография отказалась от оперирования одними только коэффициентами рождаемости и смертности и делает свои выводы, изучая повозрастную смертность и рождаемость. Руководители второй переписи должны учесть и этот момент.

Много внимания уделяет тов. Терлецкий вопросу об участии в промыслово-хозяйственной деятельности отдельных естественных категорий населения („Население“, стр. 32 и сл.).

Труд женщины не был учтен при первой переписи („Итоги“, стр. XXXII). Вряд ли нужно переобременять новую перепись учетом этого труда в домашнем хозяйстве за исключением случаев найма или вообще эксплуатации. Но необходимо выяснить участие женщины в общих промыслах, а равно в специфически женских кустарных занятиях. Старая перепись „этот вид домашнего занятия“, далеко выходящего за пределы „домашнего хозяйства“ („Население“, стр. 35), не учла.

Тоже и относительно труда стариков и детей, к слову сказать, вряд ли распространенного у оседлых меньше, чем у кочевых (стр. 32). Условность определения размеров детского труда по первой переписи („перевес участвующих

в промысловой деятельности по сравнению с населением в рабочем возрасте“ (стр. 33) заставляет откинуть возрастной критерий и установить только признак „фактической работы“. Тогда будут наконец расшифрованы эти обезличенные „проценты перевеса“.

Бланки второй переписи в части вопросов о „рабочем возрасте“, о „возрастных группах“ и пр. говорят о том, что данных об участии отдельных категорий населения в промыслах и о рабочем составе хозяйства мы опять не получим.

Терминология проектируемых формуляров внесет неясность в работу регистраторов и в вопросе об „основных (?) категориях“ хозяйства коренного населения — кочевом и оседлом. Мы были в праве рассчитывать на отказ от промежуточной формы — „полуоседлое“ („полукочевое“), тем более, что эта группа хозяйств исчезла при обработке материалов первой переписи, и на нецелесообразность ее выделения указывал недавно тов. Терлецкий („Население“, стр. 7). Нужно лишь внести ясность в определение „основных“ категорий. „Скотоводство“ (что значит скотоводство? животноводство?) отнюдь не является необходимым или даже существенным признаком оседлого хозяйства, как полагает тов. Терлецкий (стр. 6—7). Некоторые совершенно оседлые народности, обитая даже в южных районах севера, совершенно не занимаются „скотоводством“. Вместо признака оседлости — наличия постоянных построек, т. е. жилищ, связанных с землей, правильнее ввести соответственный признак для кочевых — „переносное жилище“. Неверно, что так называемые полуоседлые, а в действительности оседлые, „резко отличаются от кочевых размерами кочевков“ (стр. 7). Если последние грандиозны в тундровом оленеводстве Чукотки, то ничтожны в Нарымском таежном, здесь они гораздо меньше, чем уходы на промыслы оседлых селькупов. Вообще не надо придавать такого решающего значения этим „основным“ категориям хозяйств. Гвоздь специфики севера совсем не в кочевьи или оседлости.

О результатах первой переписи в области оленеводства писали много. Она не выяснила самых основных вопросов этой важной в экономике севера и всего СССР отрасли хозяйства.

Вторая перепись должна отнестись к этому вопросу с особенным вниманием, ее инвентарь в этой части должен быть наиболее ясным, так как трудности очень велики.

По поводу численности поголовья надо заметить, что требование точности должно иметь разумные границы. Нельзя же требовать учета всего поголовья с точностью до одной единицы. Мы знаем, какими методами (непосредственного подсчета, сравнения, фотографирования, опроса и пр.) определялось поголовье, и тем не менее в итогах переписи видим изумительные по точности, аптекарские цифры: на Чукотке, например, 89 553 оленя, не более и не менее, не 89 500 или еще лучше — достовернее 89 или 90 тысяч.¹

Пункт 29 старой инструкции подтверждает, что регистраторам были поставлены совершенно неосуществимые задания.

Огорчающихся отсутствием у нас точного — до одной единицы — учета оленей (при одновременном отсутствии точной численности многих националь-

¹ Совершенно естественно негодование работников-практиков по этому поводу, см., напр., у В. Соломоника: „Данные переписи 26—27 г. говорят о том, что в Пенжинском районе в год переписи имелось 137 022 оленя, из них в возрасте до 2 лет 59 763, приплод 41 199 и убыль 32 401 (заметьте, какая точность!). Далее классифицируются причины убыли (зарезано, погибло от болезней, затравлено зверями, продано и т. д.) и все это с математической точностью до одного. Базироваться на этих цифрах весьма и весьма рискованно, так как, повторяю, в камчатских условиях можно говорить о количестве оленей с приближенностью до 100, а не до одного, как это сделал работник ДСУ (В. Соломоник. Оленье хозяйство Пенжинского района. „Экон. жизнь Дальнего Востока“, 1929, № 11—12. Разрядка моя. М. С.).

ных групп) можно утешить ссылкой на Аляску, где регулярно каждый год появляется несколько различных цифр поголовья с колоссальными колебаниями. И это при пресловутой „рационализации“ хозяйства Аляски.

Этому стремлению к точности нужно положить необходимый в современных условиях предел. Вторая перепись должна учесть точно небольшие, доступные для подсчета, стада и приблизительно — надо сказать это прямо, какой бы статистической ересью это ни звучало — в круглых цифрах определить стада, превышающие известный максимум (даже при Всесоюзной переписи населения 1926 г. последнее в массе своей показывало вместо точного „круглый возраст“, и это не помешало обработать, с применением соответственных поправок, итоги переписи). Такое округление не повредит и социальному анализу хозяйств: не все ли равно, сколько в натуре оленей у какого-нибудь бесспорного „полуфеодала“ — 7411 или 7500 или даже 7000, если весь характер его хозяйства и мощьность его стада выяснены достаточно. Ошибки в отдельных хозяйствах на десятки и сотни большой роли не сыграют, для установления же районных, окружных и прочих размеров поголовья можно корректировать итоги похозяйственного учета при условии одинаковой поправки на „округление“. Такой приблизительный подсчет больших стад, наряду с точным учетом небольших, облегчит и другую, еще более трудную задачу — выяснение „движения оленего стада“. Не только самая программа второй переписи (п. 6, разд. II), но и ее предполагаемый инвентарь страдают той же неопределенностью, в результате которой при первой переписи получилось пресловутое „стадо в начале, в середине, в конце года“. При второй переписи должен быть принят во внимание и момент учета (время боя, время отела и пр.).

Замечания эти относятся и к другим вопросам оленеводства — выходу и составу продукции, ее реализации и пр. Первая перепись внесла во все это столько путаницы, что совершенно прав проф. Тан, считая ее данные „ироническими“ (стр. 43).

Не уделено должного внимания и собачьему хозяйству. Вторая перепись должна не только отразить современное состояние собаководства и его перспективы, но и дать необходимый материал для разработки вопросов о рационализации и реконструкции этой важной отрасли хозяйства (замена питания, сохранение производителей и пр.).

Существеннейший раздел о промыслах разработан в формулярах второй переписи неудовлетворительно. Упущены вопросы о сезонах промыслов, об источниках получения инвентаря, о формах пользования инвентарем и угодьями. Часто смешаны в одном разделе продукция, „способы заготовки продукции“ и ее „реализация“.

Перечень названий рыб занимает 44 клетки — не будут же регистраторы снабжены специальными атласами. Путаница первой переписи в наименованиях морского зверя появилась опять. В „реализации продукции“ упомянуты изделия только из тюленьих шкур, белуха забыта. Морских котиков и бобров, промысел на которых производится на особых основаниях, надо выкинуть совсем.

Особенно — из основных промыслов — пострадала охота. Смешаны промыслы пушной, дичной и недичной птицы. Есть „гарпунные пушки“ (очевидно у чукотского сидячего „полуфеодала“), а калибры ружей забыты.

Во всех промыслах совершенно забыты вопросы непроизводительной гибели продукции, а равно рационализации и реконструкции промысла.

Вторая перепись должна заполнить пробел первой в отношении второстепенных промыслов. Прежде всего она должна решительно отказаться от опять появившегося термина „прочие“, „разные“, „другие“, ведущего к сплошной обезличке. Надо отделить „второстепенные промыслы“ от „кустарных занятий“ (последнее — правильное, чем „ремесла“).

Каждому промыслу надо предоставить самостоятельный раздел и развернуть весь комплекс относящихся к нему вопросов, иначе останутся не отраженными не только отдельные промыслы, но и специфика целых районов. Вряд ли стоит сохранять экзотическое (и, заметим, — тенденциозное) „первобытное собирательство“¹ и обезличенные „разные добывающие“, надо перечислить входящие сюда виды, уточнить их продукцию (нет жимолости, смородины; водоросли и моллюски фигурируют, а ракообразные — крабы — забыты), дополнить отсутствующими (балберным промыслом, добычей корья, яиц, пуха и пера диких птиц). Кустарные занятия надо дополнить сетевязанием, корзиноплетением, работой по кости, пошивочным (одежды, обуви, дорожных вещей).

Не освещен вопрос о реализации продукции; вторая перепись должна выяснить и формы реализации, и их содержание. Между тем повторяемый в каждом промысле вопрос о продаже является той же обезличкой. Что значит „на рынок“? У нас „вообще рынка“ нет. Рынок — термин теоретический. Нам необходимо узнать точно те каналы, по которым уходит ценная промысловая продукция в той ее части, которая не сдается на государственные и кооперативные заготовительные пункты. Куда — к скупщику-профессионалу, к контрабандисту? В „покупке товаров“ опять ничего не значущий „рынок“, отсутствуют „ярмарки“, не выделен „развозной торг“.

Пункты 8 и 14 разд. второй программы должны дать материал для изучения вопроса о социальной структуре северного местного общества.

Перепись должна учесть составные элементы и формы эксплуатации и дать материал для установления социальных категорий хозяйства, выяснить, в частности, те бытовые местные объединения, ту общность в трудовых процессах, которые дают некоторым основание говорить о наличии „остатков первобытного коммунизма“.

Перепись должна дать материал для ясного вывода о значении этих элементов для социальной реконструкции местного хозяйства, расценить их в качестве социально-политических факторов, влияющих на построение социализма в местном хозяйстве. Итоги переписи определяют конкретные пути важнейшей политической задачи — социалистической реконструкции местного хозяйства.

Неизученность социальной структуры вызывает многочисленные, в большинстве своем бесплодные, споры, а иногда и худшие последствия — перегибы в работе и влево и вправо.

Работавшие над итогами первой переписи сделали немало попыток дать социальную классификацию северных хозяйств, но дефекты переписи и неправильная методология снизили ценность этих работ.

В результате того, что сдельный наем не принимался во внимание при выделении хозяйств с наймом, в результате неправильной регистрации батраков, отсутствия необходимых данных о владении средствами производства, о доходности, о строении местного бюджета и пр. и пр. — классификация строилась по двум признакам: найму (даже не по фактической работе на другого) и валовой доходности. Отсутствовал основной производственный критерий.

Не говоря уже об отсутствии поселенных итогов хозяйств отдельных народностей, в классификации получилась неразбериха и, как правильно отмечает проф. Тан, чистейшая уравниловка (стр. 48).

В „Итогах“, например (стр. XLVI), в „таблицах распределения хозяйств по главному их занятию“ — хозяйства с наймом и без найма выделены только у кочующих оленеводов, у других кочующих и у всех оседлых такого выделения нет.

¹ Руководителям переписи не может не быть известно, что во многих районах севера „собирательством“ занимается все местное население — не только местное и старожильское, но и новое. Причем тут „первобытное“?

Единственное достижение всех этих работ — доказанность самого факта и значительной дифференциации хозяйств севера, конечно, не только в результате применения годового и срочного найма („Население“, стр. 38).

Основная задача второй переписи — учесть материал, необходимый для выводов о классовом расслоении. Успешность этого будет в значительной степени зависеть от такта и квалификации переписчиков. Уже первая перепись отметила тенденцию зажиточных хозяйств к утайке сведений („Итоги“, стр. XXVII). В предстоящую перепись это лишь усилится.

Огромную роль сыграет самая формулировка и система вопросов, при помощи которых регистраторы должны уловить соответственный материал. В бланках должен быть отражен весь комплекс вопросов, относящихся к социальной природе хозяйства, — размеры стада, количество и характер средств производства, размеры инвентаря, выход продукции, ее реализация, структура дохода, пользование чужим трудом, размеры кредита, формы использования промысловыми угодиями и пр. и пр.

Важнейшим вопросом является эксплуатация на почве применения чужого труда. Материалы первой переписи, как указывает тов. Терлецкий, дали возможность установить, да и то неполностью, лишь очень незначительную часть случаев — прямой явный наем. Разнообразнейшие, совершенно не изученные, скрытые формы эксплуатации остались вне поля зрения. Но и явный наем учтен неудовлетворительно и в количественном и в качественном отношении. В результате ошибок в инструкциях и формулярах, внесения путаницы в понятия „нанятые“ и „работающие“, наемный труд выпал совершенно из массы хозяйств заведомо кулацкого типа, в частности, как указывает проф. Тан, из оленеводческих хозяйств Колымского округа (см. стр. 51). При обработке материалов получались такие выводы, что наемный труд не влияет на размеры доходности хозяйства (там же, стр. 52, 53).

И все же эти итоги устанавливают широкое развитие наемного труда в северном хозяйстве, особенно в оленеводческом.

Что касается отдельных категорий найма — поденщины, срочного, годового, и сдельщины („Население“, стр. 36), то прежде всего сомнительна сама чересчур европейская для севера терминология. Вряд ли возможно при наличных данных говорить о большей распространенности у той или иной народности какой-либо из этих категорий. Значительную, вероятно, роль играет на севере и бессрочный наем. Сомнительно, чтобы поденщина применялась в кочевом хозяйстве (там же, стр. 39 и 43), в частности в сельском хозяйстве (?!). Трудно судить, действительно ли „среди кочевого населения срочный наем наиболее применяется и в Камчатском округе в хозяйствах коряков и чукчей“ (там же, стр. 40), переписью учтен только, да и то не весь, явный наем. Дефектность материала привела к выводу, что „совершенно не применяют срочного найма... остяко-самоеды“ (стр. 41). У последних можно найти и срочный и сдельный наем и родственников и чужих и даже русских. Сомнительно, что „применение сдельного найма в условиях севера имеет случайное и весьма ничтожное значение“ (стр. 39). Нам кажется, что сдельщина развита сильно и часто скрывается в „совместном промысле“.

Эксплуатация труда не выяснена среди кочевников северо-востока, регистрация человеко-дней работы наемного труда там не удалась, между тем, именно в этих районах особенно велика классовая дифференциация и эксплуатация „полукрепостной“ бедноты (см., например, интересные работы Н. Н. Билибина в „Советском севере“, 1932, № 1—2 и 1933, № 1).

Вопрос об эксплуатации чужого труда надо ставить гораздо шире понятия найма — как использование чужого труда вообще; быть может, наем в некоторых хозяйствах занимает места меньше, чем полукрепостной или добровольный фактический труд на другого без всякого найма. Перепись должна осветить и другую сторону — отчуждение рабочей силы.

Раздел об „использовании чужой рабочей силы“ в бланках второй переписи явно неудовлетворителен. Смешаны „отчуждение“ и „пользование“, личная и хозяйственная карточка. Вопросы распределены в двух относящихся сюда разделах („хозяина“ и „работника“) неправильно. Конечно, ряд вопросов (об общем стаже работы в чужом хозяйстве и пр.) надо адресовать не к хозяину, а к рабочему. Вопрос, имел ли последний самостоятельное хозяйство, надо повторить в настоящем времени. Термин „нанимался“ заменить „работает“. Забыта национальность хозяина, не предусмотрено пользование не только лошадьми и оленями, но и промысловым инвентарем работника и пр.

Вопрос заработной платы первая перепись не осветила. Натуральная плата (единственная форма среди кочевников северо-востока) не учтена совсем. Переписчики не преодолели стоявших перед ними трудностей („Итоги“, стр. XXVII и сл.). В результате получилось, например, что богатый оленевод выпасает оленей своих батраков. Вторая перепись должна отразить соответственный цикл вопросов.

Ясно значение доходности, как одного из признаков типа хозяйства. В первой переписи повсюду фигурировала загадочная графа „прочих занятий“, которая скрывала совершенно различные источники дохода — службу, извоз, ремесла, промыслы (ягодный, балберный, грибной, заготовку корья, берестяной, кедровой, лесной), торговлю, шинкарство, азартную карточную игру, доход от сдачи в аренду промысловых угодий и жилых помещений. В итоге получилась безобразная обезличка. Путаница осложнялась тем, что в графу „валовой доходности“ часто попадал доход от „прочих занятий“. При обработке итогов, наряду с указанием точного процента доходов от основных промыслов, „прочие занятия“ определялись огулом, и в результате доход, составляющий от 20% (у чуванцев) до 97.1% (у алеутов), оставался совершенно не выясненным. От каких „прочих занятий“ имеют, например, 52.1% дохода нетуземцы (что значит это „нетуземцы“, допустимо ли при статистических работах пользование таким отрицательным и обезличенным определением?) Чукотского и Коряцкого округов, много ли среди них торговцев? А оседлые чуванцы-марковцы? Не проще ли было бы показать, что у алеутов основной, почти единственный, источник дохода — служба.¹

Советская статистика не может пользоваться этим архаичным буржуазным термином. Вред его в условиях планового социалистического хозяйства, точного учета всех категорий населения и всех источников дохода, четкого размежевания трудового населения и паразитических элементов — ясен. Вторая перепись должна заменить термин „занятия“ словом „источник“ и дать совершенно конкретные рубрики всех источников доходов. Это прекратит и смешение понятий „промыслы“ и „источники дохода“.

Даже доходы от такого заведомо паразитического источника, как торговля, не учтены первой переписью („Итоги“, стр. XXXII). Частный скупщик занимает еще видное место на севере, особенно среди недостаточно охваченных кооперацией кочевников. Вторая перепись должна отразить разнообразные формы торговой эксплуатации оленеводами — охотников, кочующими — оседлых и обратно, меновые цены (эквиваленты) и их разнообразие в зависимости от категорий покупателей, от расстояний и пр. и пр.

Между тем в разделе „товарообмен“ даже не сделано попытки вскрыть путем самых простых вопросов часто скрывающуюся под „товарообменом“ эксплуатацию. Интересно было бы ввести и вопрос о нацпринадлежности участников товарообмена и установить товарообмен как внутри народности, так

¹ В одном из отчетов регистраторов отмечено: „доход марковцев и вообще оседлых показан только от легальных занятий... Доход от тайной торговли, которая процветает, учесть не удалось. Удалось только учесть кредит, полученный марковцами от фактории и давший им возможность ездить и торговать среди кочующих („Итоги“, стр. XXXII, разрядка моя. М. С.). Значит косвенным путем, но удалось учесть нетрудовой доход.

и между отдельными народностями с русскими. Это поможет выяснению „зарплаты натурою“ и „дарения“, в частности, вопроса об „отданных безвозмездно“ оленях. В Камчатском округе эта статья реализации составляет по переписи семь процентов приплода, но сюда надо прибавить еще некоторое число, скрывающееся в графе „убито на мясо“, а последняя уже 30.7% приплода. Проценты эти скрывают громадное поголовье — больше 50 тыс. оленей. В подавляющем большинстве случаев под „дарением“ скрывается самая настоящая эксплуатация. Характерно, что графа „безвозмездной раздачи“ увеличивается к востоку и только усиливает нашу общую неосведомленность о северо-восточном оленеводческом хозяйстве. На это обращает внимание в своей статье проф. Тан (стр. 47 и сл.).

Не выявлены размеры кредита и задолженности, отсюда недооценка роли частного — скупщика пушнины и продавца товаров. В соответствующем пункте формуляра „задолженность частным лицам“ нужно выяснить природу сделок, их условия и характер (момент эксплуатации). Не выяснены пути реализации продукции тундровыми охотниками, не имеющими собственного транспорта, и вообще реализация чужой продукции.

Первая перепись не выяснила структуры местного бюджета. За исключением отдельных, освещенных в печати моментов мы до сих пор не знаем бюджета ни отдельных категорий хозяйства, ни хозяйства отдельных народностей. А это необходимо для ряда работ, непосредственно вытекающих из общеполитических директив, — об укреплении материально-бытового положения малых народностей севера и изыскании новых источников дохода, о социалистической реконструкции их хозяйства, о мобилизации всех внутренних ресурсов и усилении нашего экспорта.

Проф. Тан-Богораз указывает на ту путаницу, которая внесена первой переписью в определение валовой продукции, начиная с выбора счетной единицы и кончая неправильным наименованием продукции (стр. 37—39 и 43). Еще печальнее получилось с попытками дать единое ценностное выражение северного, в значительной мере полунатурального хозяйства.¹ Тем ответственной задачей, стоящая в этом отношении перед второй переписью.

Еще замечание о похозяйственном бланке. В разделе „кредит“ отсутствует важный вопрос о соответствии сроков кредитования сезонности промыслов; между тем эти данные должны быть получены именно у населения, заготовительные органы дадут их далеко не всегда.

Совершенно неудовлетворителен раздел „Обследование колхозного сектора“ (п. III Программы) и соответствующий ему бланк. Грубейшей политической ошибкой является полное забвение простейшего производственного объединения, как первичной формы производственного кооперирования и основной первичной переходной формы к колхозу на севере. Отсутствует непосредственно вытекающий из общеполитических директив вопрос о взаимоотношениях между коллективным и индивидуальным хозяйством, в частности, в области угодепользования, о той помощи (организационной, инструкторской), которую получили простейшие производственные объединения и пр. Упущены вопросы о степени опромышления угодий, о родственных отношениях членов „колхоза“ (это попало почему-то в „дополнительные вопросы“). Наряду с артелью упомянута коммуна, а распространенные на севере неуставные, временные, сезонные объединения (так наз. „частные артели“) забыты. Взамен всего этого „колхозный бланк“ (и название неправильное) загроможден громадным количеством сложнейших и запутаннейших вопросов („движение кредитов“ и пр.), требующих специальных технических знаний.

Этим исчерпывается собственно местное хозяйство.

См. „Итоги“, стр. XXXII—IV, также ст. С. А. Бугурина, журн. „Северная Азия“, 1928, № 2.

Русское хозяйство на севере учтено еще меньше. Перепись 1926 г. охватила только 7% населения, и предстоящая должна всесторонне осветить старожильческое и переселенческое русское хозяйство, связи его с местным и влияние на последнее.

Основной дефект всех следующих частей программы (IV—X) и соответственных бланков (совхозного, промпредприятия и пр.) — отрыв их от основных ведущих задач переписи — учета населения и его хозяйства. Забыта главная задача — отразить взаимоотношение развивающегося на севере социалистического хозяйства (государственной промышленности, совхозов и кооперации) с хозяйством коренного населения, влияние первого на последнее, те сдвиги в последнем, которые являются результатом социалистического строительства. Вопросы связи местного хозяйства с социалистической экономикой либо выпали, либо, в лучшем случае, растворились в бесконечных программах совхозов, промпредприятий и т. п., в тысяче тех сведений, которые в значительном большинстве могут быть получены помимо переписи. А между тем конкретный материал, характеризующий работу всех этих организаций в свете национальной политики ВКП(б), чрезвычайно нужен.

В своей установочной статье тов. Терлецкий указывает, что „в результате переписи открываются возможности проанализировать работу различного рода организаций, выявить достижения или недостатки на хозяйственном и культурно-просветительном фронте“, что „необходимо изучить складывающиеся взаимоотношения между индивидуальным сектором и колхозами и совхозами, а также между коллективными хозяйствами и кооперацией, совхозами, факториями, рыболовными трестами и т. п.“ („Народно-хозяйственная перепись“, стр. 7 и 9). Формуляры этим справедливым требованиям ни в коей мере не удовлетворяют. Совхозный бланк не интересуется взаимоотношением индивидуального и социалистического хозяйства в области угодепользования, источником получения совхозом угодий и стад и пр. А здесь кроются иногда грубейшие нарушения национальной политики. Транспортный бланк упускает из виду важнейший в данное время на севере гужевой транспорт малых народностей и не интересуется обслуживанием транспортными организациями местного хозяйства, ценами и размерами пассажирских и грузовых перевозок. В ряде районов коренное население охотно пользовалось бы и речным и каботажным транспортом, но они ему недоступны.

Аналогичные пробелы и в торговых бланках. Большинство ответов будет получено механически, без особого труда, обслуживание же госорганами и кооперацией местного хозяйства коренного населения освещено не будет. Снабжение предметами питания и первой необходимости (отсутствие кожтоваров, например, часто срывает осенние промыслы женщин и детей), удовлетворительность ассортимента, снабжение промысловым инвентарем, нормы отоваривания при заготовках, размеры и происхождение наценок, производственное кредитование, соответствие сроков кредитования, продолжительности промыслов — все это осталось забытым.

Отсутствуют вопросы о национальном составе членов кооператива (что значит „членов-националов“ (?)), каких именно?), о кооперировании оседлого и кочевого населения и членов семьи, о распределении заготовок и задолженности между отдельными национальными группами и пр. В частности, кооперированность населения надо отразить помимо торгового бланка, и в похозяйственной карточке, тогда соответственные данные будут получены не только из бумажных сводок, но и по живому опросу. Неправильны самые заголовки — что значит „операции по заготовкам (сбыту)“, раз карточка адресована не к населению.

В бланках культурно-просветительных учреждений отсутствует вопрос о собственном хозяйстве школы, между тем последнее имеет значение не только важной бюджетной базы, но и могучего рычага реконструкции местного

хозяйства. Упущен вопрос о связях учащихся с населением, об участии школы в общей культ-полит-просветработе.

Наше замечание об игнорировании так называемых местных вопросов относится ко всем этим бланкам (п.п. IV—X Программы). Характерно, что повсюду забыт даже вопрос о местных кадрах.

В конце Программы (п. 18, разд. X) скромно приютился заголовок „Быт и нравы“, попавший почему-то в „административный центр“. Подробная „программа описания“ последнего (п. XIV) расшифровывает содержание этого заголовка. Северные этнографы, вероятно, согласятся, что никакого чисто этнографического материала (описание религиозных праздников, состязаний, игр, материалов по лературе, „лекарским функциям“ шаманов и пр. и пр.) мы от переписи не ждем. Похозяйственная перепись должна отразить лишь те моменты, которые характеризуют социальную природу туземного хозяйства и имеют непосредственное влияние на промысловую деятельность. С этой точки зрения „быт и нравы“ должны быть частично отражены в основной похозяйственной карточке, а в значительной части должны остаться вне пределов переписи. Помимо выяснения значения пережиточных форм, скрывающихся под ними элементов эксплуатации, необходимо отразить вопрос о влиянии предрассудков на хозяйственную деятельность населения.

Так, выбор кочевий определяется иногда не разумным хозяйственным планом („Население“, стр. 6), а влиянием суеверий, между тем амплитуда кочевий отражается на состоянии стада. А влияние траура на промысла (?), предрассудков на половой состав оленего стада (?), жертвоприношение животных — разве это не „хозяйственные“ вопросы? Даже при заведомой неполноте учета, при отсутствии после переписи данных для общих выводов, все же был бы зарегистрирован ценнейший конкретный материал.

Рассмотрение программы и инвентаря второй переписи приводят к выводу, что они повторяют ряд принципиальных ошибок первой переписи.

Отсутствие целеустремленности. Вся статистическая работа должна быть проникнута основной установкой: перепись должна дать материал для изучения социальной структуры северного общества и должна выявить все моменты, влияющие положительно или отрицательно на социалистическую реконструкцию туземного хозяйства. На почве классовой дифференциации на севере уже вспыхнула классовая борьба, уже стала активной в борьбе за социализм громадная масса северной бедноты. Новая перепись должна уничтожить многие вопросы и подсказать наиболее верные пути для разрешения задачи построения социализма на севере. Большинство формуляров переписи страдает аполитичностью, „статистической нейтральностью“, и этому основному требованию целеустремленности не удовлетворяет.

Наша советская статистика оказывается иногда в плену у старых буржуазных навыков и терминов, более чем условных „средних“, „возрастных“ и пр. категорий, архаических понятий о работоспособности, грамотности, и „других занятий“, „естественном движении населения“ и пр. В первой переписи это сказалось особенно вредно в выборе признаков для различения типов хозяйства, вторая перепись должна эти вредные традиции изжить, памятуя оценку В. И. Ленина, данную им земской статистике (см. цитату на стр. 18 и вообще все заключение п. III, главы II „Развития капитализма в России“ — „Значение вопроса о группировке крестьянских дворов“, т. III, стр. 67 и сл., ГИЗ, 1924).

Излишняя „европеизация“ приполярной переписи с одновременным игнорированием существенных вопросов туземной экономики. Этот недостаток состоит в механическом переносе на север обычных методов и терминов статистики. Этим страдала и первая перепись. Хотя ее программа

и была выделена по соображениям специфики севера из общей программы, предполагавшейся в 1926—1927 г. комплексной народно-хозяйственной переписи, все же она оказалась мало приспособленной к северу. Так, похозяйственная карточка была сформулирована в расчете на учет индивидуального товарного хозяйства; попытка внести вопрос о половом составе собачьего поголовья вызвала в ЦСУ лишь смех.

Недавнее появление нарочито подчеркнутого, нового в нашем обиходе, термина „северная деревня“ („Народно-хозяйственная перепись“, стр. 6 и 8) живо напоминает неудачно примененную в первой переписи „аналогию с принятой в сельскохозяйственных переписях номенклатурой“ („Население“, стр. 24, разрядка моя. М. С.). Если термин „деревня“ становится архаичным у нас в начале второй пятилетки, то в применении к северу он просто ошибочен. И в инвентаре вновь проявляется „европеизация“ в требовании учесть с точностью до единицы десятитысячные стада неодомащенного оленя, в вопросах о „народности“ и „родном языке“, мало говорящих без дополнительных признаков, в применении термина „наем“ вместо „использования чужого труда“ и пр.

Проф. Тан справедливо указывает, что большим дефектом первой переписи была исключительная сложность ее инвентаря. „В данном случае преобладание статистического, счетного цифрового подхода в ведении переписи придало ей механистический характер и привело к совершенно ненужному и почти бесконечному умножению граф и таблиц“ (стр. 62). И, несмотря на это внешнее богатство, оказались смешанными семья и хозяйство, крупный кулак и батрак. Похозяйственная карточка оказалась неспособной отразить в своих 1300 клеточках своеобразие северных хозяйственных отношений, сложный переплет натурального и сильно шагнувшего вперед товарного хозяйства, пережитков первобытных производственных отношений и сильнейшей классовой дифференциации. Работники первой переписи подчеркивают, что ее многочисленные дефекты явились прямым последствием несовершенства бланков: „Такой необъятный объем поселенного бланка привел к тому, что по большинству населенных пунктов никаких вообще описаний составлено не было“ („Итоги“, стр. XXX). Громадные простыни бланков сослужили плохую службу — они только запутывали регистраторов и „быстро утомляли опрашиваемого туземца“ („Итоги“, стр. XXIX). Наряду с множеством ненужных вопросов отсутствовали самые элементарные вопросы — о найме, о ценах и пр., будучи связаны с определенным бланком, лишь усложнили последний, а сами растворились в общей массе вопросов и остались невыясненными.

Все это грозит и предстоящей переписи. Не соблюдены основные формально-технические требования максимальной простоты и ясности всего инвентаря. Наряду с отсутствием самых необходимых и элементарных вопросов бланки чудовищно загромождены бесчисленными вопросами о пристанях, об общественном питании, о грузообороте, о закрытых распределителях (?), требованиями дать „описание торговых и складочных помещений“, сложнейшие развернутые балансы и т. п. Нельзя объять необъятного. Большинство этих граф может быть, правда, заполнено механически, но зачем усложнять переписной инвентарь и отвлекать регистраторов от их прямой задачи. В разделе X — программы комплексного описания района — и физическая и экономическая география, и финансы, и этнография, и пр., и пр. — для исчерпывающей диссертации не хватает только истории. Сколько надо прожить в районе времени и каким надо обладать научным багажом, чтобы выполнить такой почтенный, но далеко ненужный при переписи труд?

В разделе „землепользование“ — требование об определении расположения, размеров и расстояний угодий, словно адресованное к землеустроительным техникам, и наряду с этим отсутствует вопрос о „неводных песках“, о титуле пользования, его формах и пр.

Стремление получить разнообразнейшие, часто никакого отношения к задачам переписи не имеющие данные, чисто справочного характера (см. „Народно-хозяйственная перепись“, стр. 10) вызвало исключительную сложность и величину формуляров, в которых исчезла самая существенная часть — фиксация элементов туземной экономики.

Вдумчивая переработка инвентаря и отказ от механического переноса традиционных приемов статистики на север совершенно необходимы. При недоучете или смешении тех или иных элементов, мы при будущей обработке опять увидим ряд положений, вытекающих из добросовестной обработки данных переписи и тем не менее далеких от действительности.

К переписи необходимо привлечение Института антропологии и этнографии, Демографического института Академии Наук СССР, Института народов севера и Института оленеводства. Комакадемия, Гос. Академия истории материальной культуры и Комуниверситет трудящихся востока должны помочь в разработке программы по основному вопросу о социальной структуре туземного общества. В прессе должна быть развернута дискуссия.

С этой точки зрения не все благополучно. Подготовка ведется пока в тиши статистических кабинетов, общественность не привлечена, не знает материалов, не привлечена и пресса — „Советский север“ дал всего одну статью общего характера. Необходимо подвергнуть широкому обсуждению как основные целевые установки переписи, так и соответствие им ее инвентаря. Развернутый проект хозяйственной карточки, как основного бланка, предполагает дать в ближайшее время автор этих строк.

Отсутствие необходимой общественной подготовки может обойтись после уроков первой переписи очень дорого.

С. А. ТОКАРЕВ

РОДОВОЙ СТРОЙ В МЕЛАНЕЗИИ

(Продолжение)¹

Едва ли уместно здесь было бы ставить общий вопрос о происхождении экзогамии, как таковой. Если понимать под экзогамией наличие тех или иных социальных групп, внутри которых не заключаются браки, то в такой общей форме явление экзогамии будет едва ли не всеобщим, ибо в каждом человеческом обществе есть группы, — будь то роды, фратрии, семьи, те или иные категории родственников, — члены которых не вступают между собою в брак. Это явление есть обнаружение обще-биологического закона о вреде для вида скрещивания в пределах узких групп. Еще Дарвин отмечал, что „скрещивание между различными разновидностями, или между особями одной и той же разновидности,² но различного происхождения, придает потомству силу и плодовитость.“ Поэтому и Морган, а вслед за ним и Энгельс, подчеркивали роль естественного отбора, закрепившего практику экзогамии, как полезный в биологическом отношении признак.³

Перед нами, и вообще перед исторической наукой, стоит поэтому не абстрактный вопрос о происхождении экзогамии как таковой (это вопрос биологический), а вопрос о том, как данное биологическое явление преломилось

¹ Начало см. Советская Этнография № 2, стр. 39.

² Ч. Дарвин. О происхождении видов (Собр. соч., Л., 1910, т. 4), стр. 109.

³ Engels. Der Ursprung. d. Familie. 23-te Auflin, Berlin, 1928, S. 21.